

В. Водовозов

**О том как стал Петербург и
откуда пошла русская наука**

Жизнь и дела Петра Великого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В. Водовозов**
О том как стал Петербург и откуда пошла русская наука: Жизнь и дела Петра
Великого / В. Водовозов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 73 с.

ISBN 978-5-458-49178-5

ISBN 978-5-458-49178-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О томъ, что было на Руси до Петра Великаго.

«Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ»— говорили наши предки, Славяне, и искали они наряда, т. е. порядка, добраго ладу въ дѣлахъ; а порядку не устроишь безъ любви да совѣту, безъ согласія между людьми, а согласія не будетъ, коли нѣтъ въ людяхъ прямой правды, и наоборотъ правды не сыщешь тамъ, гдѣ люди живутъ врознь, каждый только для себя, по своему разсчету, и не радѣютъ о мірскомъ, общемъ дѣлѣ. Значить, приходилось нашимъ предкамъ искать порядка, согласія, правды, а все это можно было устроить не легко и не скоро.

Земля наша точно была велика и обильна. Вотъ, хотъ возьмемъ уголокъ, гдѣ нынѣ сходятся Тверская, Смоленская, Псковская губерніи, между городомъ Великіе Луки, Ржевомъ, да Смоленскомъ: куда только не придешь отсюда по рѣкамъ! Иди отъ Великихъ Лукъ по Ловати въ озеро Ильмень, къ Новгороду, а тутъ по Волхову въ Ладожское озеро, а тамъ по Невѣ въ море и моремъ прямо къ нѣмцамъ. Или вотъ, поѣзжай отъ Великихъ Лукъ къ Смоленску: тутъ потекла большая рѣка Днѣпръ и поведетъ она тебя въ другія, болѣе теплыя земли, къ Кіеву, къ Черному морю, а тамъ и въ Туречину. Пошелъ ты отъ Великихъ Лукъ на восходъ солнца ко Ржеву,—и тутъ опять рѣка, да какая! матушка Волга! По ней разгулу и конца не будетъ: вотъ Тверь, Рыбинскъ, Ярославъ, Нижній-Новгородъ, Казань... э, да и полпути едва проѣхалъ! Спускайся

внизъ мимо Саратова, Царицына къ Астрахани, — тутъ тебѣ открылось Каспійское, славное Хвалынское море. По немъ не то на рѣку Уралъ, не то въ Бухарію, не то къ Персамъ. Ну, да покажѣсть не пойдемъ такъ далеко: остановимся въ Рыбинскѣ, гдѣ въ Волгу впаля Шексна; вверхъ по Шекснѣ не больно далеко до Бѣлоозера. На Бѣлоозерѣ отъ начала жили Славяне, да и тутъ путь не запертъ: подъ рукою, на востокъ солнца, другое большое озеро Кубенское, а изъ него по Сухонѣ, по Сѣверной Двинѣ опять гуляй туда, гдѣ солнышко скоро уходитъ на зиму, гдѣ болѣе полугода бушуютъ снѣжныя вьюги, да стоятъ крѣпкіе морозы, — это дорога къ Архангельску, на Соловки въ Бѣлое море, а изъ него въ Ледовитый Океанъ — море, а по берегу Ледовитаго моря, держась все на западъ солнца, придешь, тоже какъ изъ Невы Финскимъ и Балтійскимъ морями, — къ шведамъ, къ нѣмцамъ и далѣе къ англичанамъ и французамъ. Вотъ сколько легкихъ рѣчныхъ дорогъ, и по каждой считай не одну тысячу верстъ. На этихъ дорогахъ и селились русскіе люди, что прежде назывались славянами, — сначала больше по Волхову, по Ильмену, по Днѣпру, да на Бѣлоозерѣ, по верховьямъ Волги, по Клязьмѣ и Окѣ. Тутъ были ихъ самые древніе города: Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ, Ростовъ, Муромъ и др. Жили русскіе привольно, потому что земли было вдоволь, а народу мало. Выжегъ лѣсъ, рысчистилъ пашню, гдѣ вздумалъ, и владѣй, что добылъ трудомъ: въ этомъ владѣннѣ не только ни съ кѣмъ нѣтъ у тебя спору, да и сосѣдъ — то твой, можетъ, верстъ за 100, за 200. Земля на новинѣ вездѣ давала хорошій урожай, а гдѣ почва плоха, или зимы покруче, тамъ и такъ проживешь какимъ ни есть промысломъ: въ рѣкахъ кишмя кишать рыбы, потому что никто еще ихъ не вылавливалъ; лѣса отъ вѣка стоятъ непроглядные, непроѣздные, гдѣ и стукъ топора никогда не слышано; въ нихъ всякаго звѣря видимо невидимо; дичь, еще не знакомая съ людскою хитростью, сама дается въ руки. Тѣсноты тутъ, конечно, не вѣдали, да то бѣда: жилъ народъ больше врозь, въ рассыпную, и мірское дѣло плохо устранивалось. Въ семьѣ всѣмъ заправлялъ старшій; гдѣ жило нѣсколько близкихъ семей, тамъ соединялся родъ: въ родѣ старшіе сходились на вѣче и рѣшали дѣла по своему старому разумѣнію. Жили,

значить, по семейному: каждый радѣлъ только о своей семьѣ, о своемъ родѣ, а чтобы пойти на совѣтъ и на общее согласное дѣло со всѣмъ народомъ-племенемъ, о томъ не помышляли. Такъ семьи и роды скоро перессорились, передрались между собою. Споры происходили изъ того, кто старше въ семьѣ, въ родѣ, какой родъ старше да знатнѣе, потому что, — опять по семейному, — старшинству было больше почету, чѣмъ уму да отвагѣ; да умный и удалый тоже не уступали, смекая про себя, что черезъ старыхъ и молодымъ житья нѣтъ. Вотъ и вражда. Отъ этой неурядицы приходилось такъ тяжело людямъ, что рады были поклониться и смышленому, да сильному человѣку изъ чужаго племени: «дескать, разсуди насъ, а мы ужъ во всемъ будемъ тебѣ послушны.» Согласье нужно было не только для успѣха во всякомъ домашнемъ промышленномъ дѣлѣ, а и для того, чтобы дать отпоръ врагамъ: съ сѣвера на Русь наступали варяги, приходившіе изъ-за Балтійскаго моря, съ юга и востока толпами шли голодные кочевники изъ Азіи, чтобы грабить запасы земледѣльца. Болѣе смышленные люди въ этой бѣдѣ селились вмѣстѣ, огораживались, строили города. Въ городахъ народъ ужъ повемногу выходилъ изъ своего родоваго быта. Тутъ со всѣхъ сторонъ сходились удалыцы около князя, котораго родъ честили за крѣпкую отвагу, за щедрость, за ласку къ дружинѣ; тутъ жить было безопаснѣе, и потому, чрезъ промыслы, чрезъ торговлю, больше скоплялось богатства. Народъ собирался на вѣче, на сходъ, и рѣшалъ дѣла вмѣстѣ съ боярами, съ людьми изъ княжеской дружины. Меньшіе города, пригороды, подчиняясь главному городу, слѣдовали тому же порядку; мѣсто князя въ нихъ замѣнялъ его тиунъ, или посадникъ. Кто тутъ больше имѣлъ силы: князь съ его дружиною и тиунами, или народное вѣче, — это какъ случалось. Удалому, храброму князю охотно покорялись: такому князю не ставили въ укоръ, если онъ творилъ и не ладно. Въ Новгородѣ былъ такой обычай, что всѣмъ заправляло вѣче чрезъ своихъ выбранныхъ людей: посадниковъ и тысяцкихъ. Князья тоже выбирались: они помогали въ судѣ, да начальствовали надъ войскомъ. Вездѣ на Руси судъ творили княжескіе тиуны, и рядомъ съ ними старосты, выбранные народомъ. Сельская община также выбирала на вѣчѣ для управленія своихъ старость и другихъ

начальниковъ. Въ городахъ народъ сходилъ тѣснѣ: составлялись товарищества, братства для торгу, для промысловъ. Такъ русскіе люди пытались устроить порядокъ, согласіе, установить правду. Но хотя христіанская вѣра учила любви и братству, народъ еще очень былъ дикъ и необразованъ. Вѣрили во всякія небывалыя, чародѣйскія силы: въ вѣдьмъ, въ лѣшихъ, въ дурныя предзнаменованія. Искусства, науки еще не знали; отъ того больше всего цѣнили крѣпость руки, да удалъ: «Удалому былъ не укора,» говоритъ старая пословица. Вотъ, добрые молодцы собирались ватагами, чтобъ идти на враговъ или на промыселъ, да гдѣ случалось, и грабили мирныхъ сельскихъ людей, или проѣзжихъ купцовъ. Вѣче, конечно, стояло за себя, не давало народъ въ обиду, да сильные люди, подобравъ себѣ сторонниковъ, могли начать смуту и на вѣчѣ, потому что крѣпкаго закону и порядку въ дѣлахъ еще не установили: коли кто не могъ взять верхъ числомъ голосовъ, то начиналъ кулачную расправу. Въ кулачной силѣ видѣли удалство, а этимъ только разрушалась правда. Отъ княжескихъ тіуновъ тоже приходилось терпѣть притѣсненія: тогда толковали, что тіунъ, какъ огонь въ трутѣ, а его люди рядовичи, какъ искры: хоть и убережешься отъ огня, да искры обожгутъ платье. Князья враждовали между собою за старшинство, за разныя владѣнія и, думая лишь о своей выгодѣ, призывали къ себѣ на помощь иноземныхъ враговъ, половцевъ. Объ этихъ смутахъ такъ говорится въ одной старинной пѣснѣ: «На Русской землѣ сѣялась и росла усобица; погибало всякое добро въ княжьихъ крамолахъ; людской вѣкъ сталъ короче. Тогда рѣдко слышалась пѣснь пахаря, а часто раздавались крики вороновъ, дѣлвшихъ трупы.» Среди такихъ распрей татары и полонили Русь и болѣе 200 лѣтъ держали ее въ рабствѣ. Это случилось за 600 слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Но все-же въ дотатарское время мы находимъ на Руси и много хорошаго. Наши старинные удалцы понимали свою честь, умѣли постоять за себя въ случаѣ нужды. Многіе клали великую заповѣдь не проливать напрасну крови, защищать бѣдный народъ, вдовъ и сиротъ. Когда одни занимались грабежомъ, другіе служили земскому дѣлу безкорыстно, ради одной доброй славы. Умереть за друга, за своего названнаго брата и ни въ чемъ его не выдать считалось первымъ

христіанскимъ дѣломъ. Не все такъ выполнялось, какъ думали лучшіе люди, да и то хорошо, что добрыя чувства не глохли въ корыстныхъ разчетахъ. Когда кіевскій князь Святополкъ призывалъ къ себѣ въ гости Василька и коварно ослѣпилъ его, то Владиміръ Мономахъ, узнавъ объ этомъ, залился слезами, и поднялъ противъ Святополка всѣхъ князей: «Ты бросилъ въ насъ ножъ, никогда между нами этого не бывало,—иди къ отвѣту.» Народу хоть и не было покою отъ распрей, да жилъ онъ безъ большой нужды: худо было у одного владѣльца, поселянинъ свободно переходилъ къ другому, только выполнявъ, что обѣщаль по условію. Бѣднымъ трудно было на первый разъ заводить свое хозяйство,—вотъ онъ и нанималъ у помѣщика хату съ лошадыю, съ сохою и съ другими припасами, а выплачивалъ по немногу своимъ трудомъ, и владѣльцы давали всякія льготы, лишь бы человѣкъ селился на ихъ землѣ, потому что людей все-еще было мало. Въ дѣлахъ съ владѣльцемъ судъ и расправу чинили выборные старосты. Такъ сложился міръ по пословицамъ: «міръ никѣмъ не судится, однимъ Богомъ; что міромъ положено, тому и быть такъ.» Послѣ татарскаго разоренія народъ сильно обѣднѣлъ, а съ бѣдностью люди стали жесточе, грубѣе. Разбои умножались, правдою жилось труднѣе, по пословицѣ: «правда въ лаптяхъ, а кривда, хоть и въ кривыхъ, да въ сапогахъ.» Какъ приходилось часто терять, что человѣкъ скопилъ долгимъ трудомъ, то многіе и стали думать, какъ бы разжиться легче, да скорѣе, и кто могъ, на судѣ, на воеводствѣ, не клалъ охулки на руку. Жизнью человѣка тоже не дорожили, гдѣ дѣло шло о своей выгодѣ. Умные люди ужъ стали толковать, что ласковымъ и добрымъ нужно быть только изъ разсчета, соблюдая личную пользу, а тѣхъ, кто слабъ, да немощенъ, жалѣть нечего: нещадно бить жену, дѣтей, слугу или холопа значило учить страху Божію. Противъ неправдъ ничего не придумали, кромѣ пытокъ и казней; управляли людей, слѣдуя пословицѣ: «кнутъ правду сыщеть.» Но были и добрые христіане, которые, по писанію, отпускали рабовъ на волю, кормили и хоронили нищихъ, во всемъ склонялись на милость; такихъ дѣло было не отъ міра. При всемъ этомъ неустройствѣ, русскій человѣкъ крѣпко стоялъ за свою землю и за свой обычай; закаленный

въ бѣдахъ, онъ имѣлъ довольно ума — сметки и душевной стойкости, когда пришло время одолѣть татаръ и другихъ враговъ роднаго края. Изъ раздробленной, порабощенной Руси выросло сильное московское государство, гдѣ великій князь уже сталъ царемъ, единовластнымъ властелиномъ. Народъ держался за Москву, видя въ ней силу для борьбы съ врагами. Иоаннъ Грозный уже взялъ Казань и Астрахань, и русскимъ людямъ открылась дорога дальше, за Уралъ. Но побѣждать татаръ, разслабленныхъ отъ взаимныхъ распрей, было легче, чѣмъ устроить порядокъ, утвердить правду въ землѣ. Тутъ народу пришлось принять на себя много тягостей. Для обереганія границъ, для походовъ казна нуждалась въ деньгахъ и въ людяхъ, а народъ, въ своей нуждѣ, переходилъ отъ одного владѣльца къ другому, ища, гдѣ жить ему льготнѣе. Небогатые владѣльцы, оскудѣвая въ людяхъ, не могли нести службы. Вотъ и придумали сначала стѣснить, а потомъ и совсѣмъ запретить переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Кончали счеты и переходили въ осенній Юрьевъ день: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» разошлась тогда пословица. Богатствъ много лежало въ землѣ, да безъ науки добывать ихъ не умѣли: вывозили изъ лѣсовъ только соболей, да другіе дорогіе мѣха. Платить за службу было нечѣмъ, — то и давали воеводамъ села и города на кормленіе, а они тутъ жилились, сколько могли: «наказалъ Богъ народъ, наслалъ воеводъ», говоритъ пословица. Какъ собралась вся Русь подъ власть Москвы, то ужъ вездѣ судить-рядить стали московскіе намѣстники, дьяки вмѣсто прежнихъ выборныхъ старостъ, а московскіе дьяки больно любили посулы, стояли не за правыхъ, а за людей мочныхъ: «дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста.» За взятки били кнутомъ, казнили, да ужъ когда нѣтъ въ сердцѣ правды, и страхъ не поможетъ. Съ должниками обходились жестоко; кто былъ силенъ, могъ закабалить въ холопы чуть не каждого вольнаго человѣка. Неурожаи, болѣзни, пожары также губили много народу, потому что какъ отклонить бѣду не знали; покорялись ей, говоря: «ужъ, видно, такъ на роду написано.» Вотъ, однажды былъ великій голодъ въ русской землѣ: народъ умиралъ тысячами; а въ иныхъ мѣстахъ гнили безъ пользы громадныя запасы хлѣба: владѣльцы подкупали чиновниковъ,

чтобы не объявлять о нихъ. Царь (Борисъ Годуновъ) приказалъ раздавать хлѣбъ изъ своихъ житницъ; такъ пристава подсылали своихъ людей, одѣтыхъ вищими, и потомъ продавали хлѣбъ въ три-дорога. Отъ этихъ бѣдъ земля пустѣла; народъ толпами уходилъ въ южныя степи, на Уралъ и дальше въ Сибирскій край. Значить, все зло больше происходило отъ нужды, отъ бѣдности, а умножить богатство народа нельзя безъ науки; значить, нужно было добыть науку. Съ наукою человѣкъ лучше пойметъ и правду, и свою прямую выгоду быть честнымъ. Вотъ, царь Петръ и рѣшилъ, что русскимъ людямъ должно учиться: какъ научатся, такъ, авось, будутъ ничѣмъ не хуже богатыхъ нѣмцевъ. Какимъ же путемъ было лучше сблизиться съ образованными народами, придвинуться къ Европѣ и отстать отъ татарской Азіи, куда насъ до тѣхъ поръ все тянуло? Изъ всѣхъ путей, по какимъ встарину расходилась Русь, самый живой и людной былъ путь Варяжскій: по Ильменю, черезъ Ладожское озеро, въ Неву и отсюда въ Балтійское море. Когда за 1000 лѣтъ тому назадъ, славяне задумали устроить порядокъ, то этимъ путемъ призвали къ себѣ князей варяжскихъ, Рюрика съ братьями, чтобы судили ихъ по правдѣ. Потомъ новгородцы тѣмъ же путемъ вели торговлю съ нѣмцами, обогатились, переняли кое какія искусства. Наука новгородцевъ была не велика, да все-же о нихъ въ старой Руси ходила молва, какъ о людяхъ прямыхъ и честныхъ, особенно въ торговлѣ: «новгородская душа, новгородская правда», такъ и означало правдиваго человѣка. Новгородская вольность была уничтожена московскимъ государемъ, Іоанномъ III, а Варяжскій путь занятъ былъ шведами. Напрасно пытались московскіе цари овладѣть побережьемъ Балтійскаго моря. Петръ Великій поставилъ дѣломъ всей жизни, чтобы, утвердившись на этомъ пути, призвать всѣхъ знающихъ иноземцевъ для науки, для утвержденія новаго порядка въ Россіи. Это и удалось, да не вдругъ и не безъ многой работы.

Ученые атаманы, а неученые комары: какъ Петръ поднялся наукой.

За 200 лѣтъ тому назадъ, когда у царя Алексѣя Михайловича родился сынъ Петръ, мы жили еще по старинѣ, боясь всякой новинки: ходили въ долгополой одеждѣ, похожей на азіатскіе халаты, крѣпко берегли свою бороду, думая, что безъ бороды и въ рай не впустятъ, запирали женъ и дочерей за тридевятью ключами и замками, чтобы и вѣтеръ на нихъ не пахнулъ и добры молодцы не завидѣли; а больше всего любили сидѣть на пирахъ часовъ по пяти передъ сотнею кушаньевъ, да спорить кто кого перепьетъ; въ остальное же время выполняли тысячи азіатскихъ церемоній: знай, дескать, какіе мы... спроста и шагу не сдѣлаемъ! Такъ жили богатые,—ну, а про бѣдныхъ что говорить? бѣдные всегда живутъ одинаково. Учились, кому давался такой случай, у духовныхъ кое-какой наукѣ: читать по складамъ часословъ, да псалтирь; да настоящихъ грамотныхъ людей и между священниками было мало. Другой науки не видали: гдѣ нужно было себя показать, старались взять важностью рода, пышной одеждой, а то случалось, что и въ царской думѣ бояре только молчали, «устава брады своя». Чтобы укрѣпить родную землю, ни хорошаго войска, ни кораблей еще не было. Въ походъ собирали помѣщиковъ, боярскихъ дѣтей съ ихъ людьми, да эти люди были плохо обученные, больше грабили, чѣмъ сражались, и въ битву ходили не правильнымъ строемъ, а часто вразсыпную, по старому казацкому обычаю; лучше другихъ воинскій строй знали стрѣльцы, первое у насъ постоянное войско, да и они не могли стать въ уровень съ иноземнымъ войскомъ: забравъ себѣ много власти на Москвѣ, они ужъ думали не о битвахъ, а о разгулѣ. Вотъ въ трудныхъ случаяхъ и приходилось обращаться къ принятымъ въ русскую службу иноземцамъ, которыхъ на Москвѣ честили чуть не наравнѣ съ боярами, да мало перенимали отъ нихъ хорошаго частию по лѣни, а частию и по предрассудку: вѣдь нехристи, еще грѣху

научать! Отправлять людей за границу для обученія, заводить школы по образцу иноземныхъ, — и Боже упаси! Заведется только ересь: «агнцамъ ли идти въ стадо волковъ?» толковали наши грамотѣи. Такъ русскіе агнцы не могли управляться и съ татарами, которые порою приходили непрошеные изъ Крыма погостить и къ Москвѣ, забирая у хозяевъ скоть и всякое добро, да и самихъ хозяевъ съ ихъ женами и дѣтьми. О томъ, чтобы потягаться съ европейскими сосѣдями; и въ поминѣ не было: удавалось развѣ забрать что-нибудь отъ поляковъ во время страшныхъ неурядицъ въ Польшѣ. Для торговли, для сношеній съ иноземцами у насъ было одно море, что за Архангельскомъ, гдѣ сподручнѣе было плавать на льдинахъ бѣлымъ медвѣдямъ, чѣмъ людямъ: да и то море держали въ рукахъ англичане, да голландцы, потому что своихъ кораблей мы не имѣли. Алексѣй Михайловичъ началъ—было строить суда для Волги противъ разбойниковъ, да разбойники сожгли эти суда: дѣло такъ и погибло. Значитъ заперты мы были со всѣхъ сторонъ въ своей дикой землѣ: въ Европу насъ не пускали поляки и шведы, Черное море сторожили турки и татары,—идти можно было только на востокъ въ Сибирь. Тутъ свободная дорога: гуляй по дремучимъ лѣсамъ, пока не утонешь въ Азіи. А на Москвѣ все-таки жили нѣмцы, жили особнякомъ въ нѣмецкой слободѣ, и кто хотѣлъ, могъ кое что перенять у нихъ: было подъ рукою. Перенимали кое-что и нѣкоторые бояре, да боязливо. На Москвѣ безъ воли царя ничего не дѣлалось, во всемъ слѣдовали его примѣру, и Петръ показалъ примѣръ, — пошелъ въ нѣмецкую науку. Какъ же онъ могъ понять нашу грубость и невѣжество? Кто его надоумилъ? И умные люди не сами до всего доходятъ: ихъ учатъ обстоятельства, т. е. то, на что человѣку приходится натолкнуться въ жизни. Но одни умные люди берутъ изъ житейскаго опыта столько науки, сколько ее нужно на сегодняшний день: исправилъ дѣло — ладно... больше и хлопотать нечего; а есть такіе, что, разъ наученные опытомъ, все спрашиваютъ: что же дальше? что еще можно сдѣлать? И вотъ, какъ изъ малой рѣчки человѣкъ переходитъ въ большую, изъ большой въ море, а тамъ хочетъ переплыть и море, такъ и они ищутъ науки на весь свой вѣкъ, да чтобъ еще хватило дѣтямъ и внукамъ, — и не для себя только, а для всѣхъ, кого

научить можно. Поднялся ты высоко: видишь больше кругомъ, да за то слабѣе; а они и съ высоты видятъ все такъ же ясно, какъ на ладони, и чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ лучше успѣваютъ, потому сила у нихъ растетъ вмѣстѣ съ дѣломъ, а большою силою двинешь больше. Это ужъ между умниками самые умные люди, что орлы между соколами. Такимъ было суждено родиться и Петру. Оставшись 10 лѣтъ послѣ отца и старшаго брата, онъ уже испыталъ бѣду. Его старшая сестра, властолюбивая Софья мутитъ стрѣльцовъ, чтобы удалить отъ управленія родственниковъ Петра по матери, Нарышкиныхъ, стать самой во главѣ государства. Стрѣльцы ворвались въ Кремль, въ глазахъ малютки царя и его матери бросаютъ на копья бояръ, имъ преданнымъ, убиваютъ дядю Петра, поднимаютъ во всей Москвѣ страшную смуту. Съ тѣхъ поръ Софья господствуетъ нераздѣльно: Нарышкины удалены отъ двора, Петръ со своею матерью долженъ жить въ уединеніи, какъ въ опалѣ, оставленный всѣми. Но проходитъ шесть лѣтъ; царь выросъ, думаетъ управлять самъ и на дѣлѣ, какъ до сихъ поръ управляли отъ его имени, и старая гроза готова повториться. Въ село Преображенское, гдѣ онъ жилъ, ночью прискакало нѣсколько стрѣльцовъ, извѣщаютъ, что ихъ братія собирается въ Кремль защищать Софію, что замышляютъ и на жизнь царя. Петръ вскочилъ съ постели, и, какъ былъ, на конѣ поспѣшилъ въ лѣсъ; туда принесли ему и одежду. Онъ поспѣшно ѣдетъ въ Троицко-Сергіеву лавру, куда за нимъ слѣдуютъ и близкіе люди. Отсюда посылаетъ онъ въ Москву пословъ, требуя, чтобы всякій, кто ему вѣренъ, пріѣзжалъ къ нему, и вотъ чудо: на его зовъ толпами спѣшатъ къ Троицѣ: духовенство, бояре, нѣмецкіе отряды и самые стрѣльцы; Софья оставлена всѣми и принуждена идти въ монастырь. Скажутъ: тутъ довольно было одного царскаго слова, которому русскіе привыкли повиноваться. Но и Софья уже долгое время была правительницей, хотя и безъ царскаго имени; въ случаѣ нужды, она могла дѣйствовать отъ имени брата Петра, слабаго, больного Іоанна, который также объявленъ былъ царемъ и находился въ ея рукахъ. Притомъ ея приверженцы не затруднялись въ средствахъ, чтобы захватить власть; да вотъ бѣда: приверженцевъ этихъ было ужъ очень мало; 16-ти лѣтній Петръ взялъ верхъ умомъ своимъ надъ